

Глава 2

ОТГОЛОСКИ БЫЛОГО

*Офурт.
2151 год, зима*

Пока южане в Элегиаре сетовали на грязь и с недовольством надевали деревянные башмаки поверх обычных, в Офурте царила самая настоящая зима. В этом году она спустилась на Север лютыми холодами, да такими, что повсюду трескали деревья, стонали подо льдом реки, а дичь находили в лесах уже замерзшей и обглоданной.

Из-за этого на графство тяжким бременем лег голод. По ночам, под вой пурги, сама смерть гуляла между поселениями и забирала жизни. Умирили здоровые и крепкие мужчины. Умирили женщины. Умирили от стужи младенцы, замерзая в пеленках. Старики закрывали глаза и более не открывали их. Те, кто жили подле Офуртгоса, устремлялись к нему, похожие на едва живых мертвецов. Но вместо надежды найти что-нибудь съестное они видели в городе таких же мертвецов, которые сдирали с деревьев кору, пытаясь варить из нее похлебку.

Полностью опустели такие мелкие поселения, как Омутцы, Малые Вардцы, только-только начавшие заселяться по новой, Черное Холмогорье, Колотушки, Черширр. А между тем с измученного Офурта не спускала алчных глаз Имрийя, из-за которой графине Тастемара приходилось строго следить за всеми укреплениями и быть готовой к новостям о переходе пределов вражескими войсками. И хотя с тех пор как графство два года назад вошло в состав Глеофской империи, воинственный сосед должен был отвести взор от земель Офурта, никогда нельзя было увериться в мире до конца.

И вот из глухого сосняка, невероятно тихого из-за мороза, выехал снаряженный отряд. Впереди всех двигался огромный вороной конь, который, подобно кузнечным мехам, выдыхал из ноздрей густой пар. Лес противился незнакомцам, скрипел, возвышался высокими сугробами, но конь продавливал их своей мощной грудью, топтал снег и, как черная глыба, упрямо шел вперед. На нем ехал Филипп фон де Тастемара. А за ним, утаптывая борозду, следовали вереницей еще два десятка солдац, закутанных в шерстяные плащи.

Среди спящих сосен за поворотом зоркие глаза графа разглядели холодное пламя выбивающейся из-под шапки косы — навстречу ехала Йева с сопровождением. Она нещадно подстегивала свою кобылку, которая с трудом волочила ноги. А когда девушка приблизилась к отряду Филиппа, то, не в силах ждать, прыгнула в снег. И тут же провалилась по грудь. Йева недовольно вскрикнула оттого, что тело хлебнуло холода, но тут же почувствовала, как руки графа подняли ее.

— Мне приятно, дочь моя, что ты так сердечно встречаешь отца и выказываешь мне свое уважение, — улыбнулся глазами Филипп. — Но побереги себя.

Он довез дочь до ее кобылы, и Йева, стараясь выглядеть серьезно, залезла в седло и начала стряхивать с шерстяных чулок и юбки снег.

— Вы обещали приехать раньше, отец.

— Обещал, Йева, но задержался. По весне через Солраг пройдет император Глеофа вместе с войском, и нам нужно подготовиться. Так что я покину тебя раньше времени.

Йева развернула кобылу и поравнялась с Филиппом. Теперь они ехали стремя в стремя. Краем глаза граф различил во взгляде дочери накатившую на нее тоску.

— Как скажете, — прошептала Йева и плотнее закуталась в меховую шубу.

Она, подумал Филипп, даже одеваться стала как Саббас фон де Артерус. Тот всегда утопал в волчьих шкурах и собольих мехах и глядел так же, как сейчас глядит Йева: мрачно и отстраненно.

— Что же ты, дочь моя? — спросил он. — Как твои дела? Как твой сосед себя ведет?

— Все нормально, отец. У Булуйского бора все тихо. Летом от вашего имени заключили договоры на поставку железной руды в Имрийю, а меха чертят, соболей — в Альбаос.

— Деревни по осени отчитались о проездном, подушном налоге и талье?

— Не все...

— Почему не все? Ты отправляла сборщиков с вооруженными отрядами?

— Да, и даже сама навещала ближайшие: Большие и Малые Колтушки, Ясенки, Холмогорье, — Йева вздохнула. — В этом крае везде нищета, отец. Всюду рвань. Они живут от охоты до охоты, многие не имеют ни бронзовичка. А в Офурте сейчас голод из-за сильных холодов.

— Голод сейчас и в Солраге, и в Стоохсе, и в Филонеллоне. Уж не хочешь ли ты сказать, дочь моя, что ты из-за этого освободила их от налогового бремени?

— Нет, — глаза Йевы вспыхнули, но тут же потухли. — Но я не знаю, что можно брать у тех, у кого ничего нет! Ничего, кроме крови и плоти. Они показывали своих детей, которые носят обувь по очереди, потому что на все семейство лишь пара теплых сапог.

Филипп улыбнулся.

— Повесь вождя, Йева, и к следующему году новый вождь под угрозой смерти найдет, что взять из каждого дома, пусть даже это будут те самые сапоги.

— А мудро ли это будет, отец?

— Мудрое правление основывается на столпах взаимоуважения. Чтобы ты могла помочь простому люду и защитить его, он сначала должен исправно выплатить талью и подушный налог. Ты же пойми, Йева, что от голода и холода вымрет лишь часть народа, самые слабые, а вот от врага, который увидит твою незащищенность, ибо доспехи не куются из воздуха, могут умереть все. И ты должна донести это до люда, жестко, но понятно. Жалостью ты лишь убедишь всех в своей слабости, а слабого правителя не уважают даже псы, дочь моя, что уж говорить об алчной Имрийи, которая только и ждет доказательств нашей немощи.

Йева промолчала, лишь плотнее закуталась в меха и спрятала внутри тонкий нос, чувствуя, как щекочут ворсинки. Она боялась признаться отцу, что уже слаба и не находит сил принуждать всех вокруг к своей власти. Отрешенная, пропавшая в своих думах, она вдруг обернулась. Ей показалось — на нее смотрят. И на нее действительно смотрел с ласковой улыбкой сэр Рэй, этот плешивый и старый, но все еще крепкий рыцарь с чутким сердцем. Графиня резко отвернулась, не соизволив улыбнуться в ответ, и потерялась под шубой, нахохлилась.

Впереди выросла единственная башенка замка: неказистая, в два этажа, из плохонького камня, с двумя знаменами Солрага и Офурта, вывешенными из окон личных покоев и гостевой спальни.

Отряд, состоящий из двадцати конных гвардейцев, сэра Рэя и Филиппа фон де Тастемара, проехал сквозь город, по которому ходили, кутаясь в тряпье, худые скелеты, миновал отворившиеся ворота и спешил. Кони были расседланы и разнужданы в тесном дворе. Граф оглядел суровым взглядом захудалость конюшен, обваленные стены амбара, неаккуратно разбросанную солому, запыленную и жухлую, и покачал головой.

Чуть позже в небольшом и единственном зале замка гвардейцы уже похлебывали горячий суп из чертят, закусывали рябчиками и запивали все отваром из подслащенной калины.

Филипп сидел в высоком кресле перед камином, спиной к залу, где из мебели были только столы, соединенные между собой, стулья и пара кресел. Стены покрывали гобелены и шкуры. Трещали от огня дрова. За окном разыгралась метель, и ветер плакал и бился о донжон, заставляя дрожать его от самого основания. Белый Ворон вспоминал, как слуги выносили его сюда, в зал, прошлой зимой, когда он еще не мог ходить. Тогда до самой весны он просидел на подушечках перед камином. Уделом его, немощного и слабого, было лишь наблюдать, как скачут всполохи пламени, как игриво поедают они дерево, танцуют, испуская искры. С каким же страхом тогда посмотрел на него сэр Рэй, впервые увидев перед собой укутанное в одеяла скрюченное существо с ввалившимся ртом и отросшей бородой. Тогда он и не узнал бы в этом жутком старике своего господина, если бы в тот момент Йева с лаской не поила его кровью, поднося к сухим губам кубок.

Отведя взор от камина, Филипп спросил свою дочь, которая сидела рядом с ним и тоже смотрела на огонь:

— Ты проверяла бестию?

— Да, отец, — Йева задумалась. — Мне часто приходится спускаться в подвалы, где я открываю сундук и смотрю на нее. Ее глаза все так же желты, хотя и обросли льдом, зубы белые, а шерсть лоснится. От холода ли это или... — Она запнулась. — Или бестия оживет, если дать ей тепло и простор.

— В яме, откуда она вылезла, — прошептал Филипп, — должно быть холоднее, чем в подвалах. Там еловая лощина, утопленная в горах, вдоль которых и шел Уильям. Ей нельзя давать простор, и рано или поздно дар этого реликта откажется жить. Не ходи туда, Йева... Прикажи перевязать сундук цепями и забудь о нем как о страшном сне.

Йева вздрогнула, поскольку бестия не давала ей покоя во снах, раз за разом убивая Филиппа. Она вспомнила тот удар

бревном. Вспомнила, как откинулся в сугроб отец, испустив последний крик боли. Вспомнила кровавую пелену смерти в его глазах. И задрожала. Она продолжала молчать. Филипп глянул вправо, на дочь, сидящую вровень, и настороженно рассмотрел пустоту в ее взгляде, ее поблекшую косу, белую кожу, растерявшую румянец. Наконец Йева тоже обратила на отца свой взор и прошептала:

— Сэр Рэй в этом году стал худ. Он часто захлебывается кашлем и дышит тяжело, будто его грудь придавили копытом.

— Да. К весне я отстраню его от службы. Стать его еще крепкая, потому что ему досталась удивительная родовая сила, но сердце отстукивает последние годы. Если один из его сыновей, Лука, славно покажет себя при сопровождении императора Кристиана в Стоохс, я передам ему звание командира гвардии. Мальгербы, хоть и люди, уже долгие века верно служат Тастемара.

Между тем за спинами графа и графини стоял непрекращающийся гам. Филипп обернулся и бросил взгляд из-за кресла назад, на кричащую и довольную толпу, которая хрустела, грызла, рыгала, чавкала и смеялась.

За столами резко воцарилась тишина. Все решили, что господин делает немое замечание, и принялись неслышно покусывать, говорить шепотом и вести себя смиренно, как пахотные кони. Напряжение слегка развеялось, когда Филипп смерил внимательным взглядом пьющего в три горла сэра Рэя, который выжигал свою простуду крепким спиртным, и снова отвернулся к огню.

— Они вас боятся, отец, уважают и чтут, — вздохнула Йева.

— Будь сильной, и с каждым поколением слава о тебе будет обрастать легендами, вознося твою силу под небеса. Но если дашь слабину, то каждый следующий род будет верить в тебя все меньше.

— А... А что с Базилом? — Йева посмотрела вправо, на го-белен на стене, и поджала губы.

— На сенокос у него родилась дочь.

— Понятно.

Йева сглотнула слюну и вздрогнула, когда на ее холодные пальцы легла теплая ладонь отца.

— Все вокруг тебя будут умирать. И им на смену придет следующее поколение: новые друзья, любовники, прислуга, враги. Лишь ты одна будешь идти сквозь время, постоянная и вечная, дочь моя. И я буду рядом с тобой.

Йева кивнула, и Филипп почувствовал, как ее рука пытается выпутаться из-под его ладони. Он нахмурился.

— Что тебя гложет?

— Ничего, отец...

— Не обманывай меня, — сурово заметил Филипп.

Он снова положил ладонь на ее пальцы, погладил. Йева поддалась, но кожа ее осталась мертвенно-холодной, а пальцы задеревенели, не отвечая на отцовские ласки.

— Вы так редко бываете здесь, в этом холодном и жутком крае, — вздрогнула она.

— Ты хочешь, чтобы я приезжал чаще? — Филипп не понимал ее.

— Вы всегда заняты.

— Да, занят. Но коль ты просишь, я попробую через год приехать на пару недель пораньше.

Глаза Йевы заволокла тоска, и она грустно улыбнулась самой себе. Что такое неделя, когда ее сердце плачет от необъяснимой боли, как только отец ступает за порог?

— Тебя это устроит, дочь?

— Да, отец, спасибо...

Филипп ласково улыбнулся и, не будь здесь галдящей толпы, которая снова разбушевалась позади двух кресел, обнял бы свою дочь. Но сейчас он смотрел в огонь, как смотрел всю зиму годом ранее, и прикрыл глаза, опутанные сеточкой морщин. Затем вспомнил то, о чем ненадолго забыл, когда увидел Йеву, и умиротворенная улыбка сползла с его лица.

— Главное, чтобы Горрон нашел Уильяма.

Его дочь тоже забеспокоилась.

— Горрон присылал вам весточку?

— Нет, — озабоченно качнул головой Филипп. — С той зимы я ничего не слышал о нем, но пока не могу поднять шум, чтобы не привлечь внимания. Он должен был достигнуть Элегиара еще летом. Мы обговорили, что он передаст мне письмо с купцами из Золотого города. Один из них, Гуасалай Ра'Шабо, четыре года подряд ездит в мои земли, везет украшения из гагата и арзамасовые ткани.

— И Горрон ничего не передал?

— Ни строчки. Как в воду канул.

— Что же делать? А если те существа, велисиалы...

— Пока ничего. Лишь надеяться на Горрона... — Филипп покрутил на пальце кольцо с треснутым агатом, которое пострадало после удара бестии. — Элрон Солнечный не так прост, как кажется. Он слишком стар и хитер, чтобы позволить взять над собой верх. Это вампир величайшей воли, который дал слабину лишь единожды.

— Когда пал Крелиос?

— Да.

Йева вздохнула, вспоминая настырные объятия герцога Донталя. Помнится, она терпела их как нечто неизбежное, но сейчас была бы рада, если бы он согревал ее холодными зимами. С Горроном из замка исчезла последняя искра жизни.

— А что вы, отец. Что вы будете делать?

— Помогу тебе с отчетами. И нужно привести в порядок двор, потому что это никуда не годится.

И Филипп озадаченно качнул головой, выражая неудовольствие бесхозяйственностью. Однако Йева приняла сказанное исключительно на свой счет и уже сжалась внутри в комок, представляя неудовольствие отца, когда тот доберется до журналов по тальям и проездным пошлинам. Помнится, она любила помогать ему в замке Брасо-Дэнто, но тогда эта помощь была необязательной, приятной. Сейчас же на плечах графини лежала ответственность за весь Офурт, и она понимала, что не справляется, что у нее нет ни воли отца, ни его навыков, а спина ее сгибается под невыносимой тяжестью.

— А еще, — вырвал ее из состояния самотерзания Филипп, — нужно найти ту проклятую дыру, из которой явилась бестия. Сейчас слишком сильные морозы, даже под Брасо-Дэнто застыли подземные источники. Поэтому уже по весне я наведуюсь в лошину в еловых лесах за Дорвурдом. Нужно выяснить, что скрывается в пещерах.

Йева вздрогнула, снова переживая тот ужасный день, но Филипп уже не смотрел на нее. Он глядел в камин, думая о том, не явится ли из той дыры еще что-нибудь угрожающее Офурту.

— Но там может быть опасно, — шепнула графиня.

— Вся наша жизнь — опасность, дочь моя.

* * *

Спустя два месяца

— О Ямес, уж не у обиталища ли твоего отступника Грагомы находимся? — испуганно прошептал сэр Рэй.

Он сполз с коня и с опаской оглядел таинственный постамент, который стоял между высокими колоннами. Это был тот самый постамент, древний и полуразрушенный, из-под плит которого вырвалась бестия чуть больше трех десятков лет назад. На нем пока лежал снег, ибо зима, по офуртскому обыкновению, еще сопротивлялась весеннему теплу.

В сумраке серого, унылого рассвета символы на колоннах тускло мерцали, и граф Филипп стал рассматривать полустертые веками, если не тысячелетиями, надписи.

— Это не Хор'Аф, — шептал он задумчиво сам себе, поглаживая письмена. — Что-то очень старинное, относящееся к языкам утерянных племен, что-то дошедшее до нас еще со времен Слияния. Древнее место.

Проваливаясь по колено в снег, он переходил от колонны к колонне и пытался найти хоть что-то знакомое в надписях. Но ничего не понимал, ибо это место было много старше его, его отца и деда. Пока гвардейский отряд обустроивал лагерь

и вкапывал копые коновязи в мерзлую землю, Филипп переписывал на пергамент чернилами неизвестную ему речь. Может, доведется поговорить с древними старейшинами и кто-нибудь вспомнит язык тех времен?

Меж тем старик рыцарь Рэй, зябко поеживаясь, подошел к дыре, зиявшей среди колонн, и боязливо посмотрел вниз.

— И нет ему дна, и зияет он, как чрево детищ Граго, маня своей пустотой... — сглотнул он и осенил себя знаком Ямеса. — Господин, сколько вам потребуется человек?

— Четверо, остальные ждут здесь.

— А каков сигнал, чтобы мы могли прийти на помощь?

— Я думаю, сэр Рэй, что из далей этой глотки земли ни один сигнал не достигнет ваших ушей.

Рассветное солнце стояло низко, а здесь, в лощине, и во все царствовала полутьма. Мороз точил тела, заставлял людей дрожать и клацать зубами. Кони, одетые в толстые простеганные попоны, нервно били копытами — им это место не нравилось. Впрочем, и солрагцы, глаза которых перебежали с алтаря на тьму окружающего ельника, тоже были неспокойны.

Где-то среди деревьев надрывно каркнул ворон.

Наконец на небольшом бивуаке около колонн натянули палатки, разбили походную кухню, где кашеварил один Чукк со своим сыном, молодым Хрумором Этельмахием. Одеты они были просто, и одни только фамилии поваров выдавали непростую историю их рода. Пока все ели душистую похлебку и стучали ложками, Филипп готовился к спуску. Он снял нагрудник, горжет и шлем, которые могли помешать, и оставил из защиты лишь стеганку, поножи и наручи. Практика показала, что глухая броня против бестии и ей подобных бесполезна. На ремень граф повесил огниво, в мешок уложил заготовки для факела.

Ближе к полудню подошло время спуска. Гвардейцы мрачно глядели вниз, в зияющую тьмой пещеру. Сбросив длинную веревку, Филипп ловко, по-молодецки заскользил по ней вниз. Все остальные по приказу встали вокруг дыры и напряженно

вглядывались в поисках своего господина, который уже через полминуты шустрого спуска пропал из виду.

Ожидание длилось бесконечно долго, и все взволнованно переглядывались и топтались на месте от холода.

— Неправильно это, когда его сиятельство идет вперед, — шепнул кто-то.

Откуда-то из глубин донесся эхом искаженный голос Филиппа, и веревка дрогнула — за нее дернули снизу. Четверо самых крепких гвардейцев начали спускаться по одному. Чем ниже они скользили, тем студенее становилось. Воздух был насыщен сырым холодом, и каждый вдох отдавал разрывающей болью в груди. Пар изо рта обволакивал испуганные лица, но солрагцы отгоняли страшные мысли, преданно следуя за своим господином. Во тьму. В бездну.

Наконец сапоги последнего с хрустом коснулись дна. Людей окружило кольцо тьмы, сжимающееся вокруг их тел и душ. Чиркало огниво, зажигались факелы. И вот уже пять огненных точек, дрожащих на морозе, боязливо пытались разогнать тьму. Однако тьма тут была древняя, неподвижная и плохо поддавалась слабым очагам жизни.

Все оглядывались. Рассеянный свет выхватил из черноты каменные стены, пол, устланный камнями и костями. Кости эти были раздроблены и истерты до мелких обломков, словно их грыз на протяжении веков голодный пес.

— Это что, кости? — удивленно прошептал один из солрагцев, Утог, приняв поначалу их за щебень.

— Сколько же здесь живности померло-то всякой, — отвечал едва слышным шепотом второй, Картеш.

Четверо гвардейцев с молитвами осенили себя знаком Ямеса. Пещера поначалу показалась природной: длинной и низкой, — но глаза Белого Ворона различили во тьме круглый свод потолка и крепкие подпоры-колонны в дальнем краю зала. Впрочем, потолок был частично обвален, а рукотворные колонны и стены обрушены. Рядом с лазом, через который попали в пещеру солрагцы, виднелись остатки витой лестницы.

«Когда-то здесь был полноценный выход на поверхность, — размышлял граф. — Похоже, все уничтожило хорошим землетрясением. В те времена они, по словам Горрона, были не редкостью».

Филипп внимательно слушал пещеры, проникая острым слухом в самые дали, но пещеры были зловеще бесшумны. Не было в них жизни. Ни ветра. Ни звука. Только могильная, холодная тьма. Только биение сердец солрагцев и их прерывистое дыхание. Только треск факелов. Отряд медленно двинулся дальше, осторожно ступая по костям. Под ногами стоял непрекращающийся хруст. Кто-то закашлялся от сырости, и граф отметил про себя, что воздух здесь густой, тяжелый.

Справа что-то шевельнулось. Свет факелов померк, когда над ним выросла огромная черная тень. Неожиданно зажглись фонарями две точки и скользнули под темным сводом потолка. Солрагцы с криками схватились за мечи, их вопли эхом прокатились по пещере.

— Это грим, — качнул головой Филипп, успокаивая.

Одеревеневшие пальцы гвардейцев приросли к рукояткам полторных мечей. Граф же поднял голову и разглядел странного грима: огромного и черного, как туча, с искореженными лапами, витыми рогами и двумя глазами-фонарями. Бесшумно шествуя, большое тело проволоклось сквозь солрагцев и на миг застлало их глаза чернотой. Не на шутку напугав, оно как явилось в полной тишине, не нарушая молчания пещер, так и пропало — в стене.

А потом граф понял, кого повторил призрак, — бестию из Дорвурда, которая обитала здесь ранее. Но почему грим стал таким большим? Что питало его?

Вдруг из другой стены появился второй призрак, такой же огромный. В виде ящера он пролетел на кожистых крыльях через грот, махнул в свете факелов шипованным хвостом и исчез во тьме.

— Что это за гарпии такие ростом с замок? — простонал Утог.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Это не гарпии, — ответил граф, с интересом разглядывая растворяющийся в стенах хвост крылатого чудовища. — Это то, что не дожило до наших времен, отголоски Слияния. Не обращайтесь на гримов внимания — они страшны только для воображения. За мной! Не расходиться!

И Филипп пошел по костям туда, куда глядел уже долго, — в угол пещеры, где виднелся узкий коридор. Больше здесь осматривать нечего. Этот зал пуст и мертв, ибо в нем не обитает ни одна живая душа, лишь призрачные гримы.

Отряд двинулся к выходу из зала, к коридору, в арке которого были выбиты те же символы, что и на колоннах сверху. Проход был частично обвален, но достаточно широк, чтобы по нему мог пройти человек.

Остановившись у арки, граф вытянул руку и коснулся надписей, не тронутых из-за сырости пылью. Слова на чужом языке едва заметно мерцали, когда их погладили теплые пальцы.

Кажется, Филипп стал догадываться, почему воздух здесь такой густой и тяжелый, почему тут обитают гримы, способные воссоздавать огромные тела. Уж не один ли это из магических источников, о которых говорил Зостра? Тогда, во время недолгого общения с великим магом Юга, Филипп услышал о теории маготворцев: будто бы магия из шва разлилась, подобно морю, по всему миру. По словам Зостры, именно на Севере должны были остаться самые большие озера магии. Озера, добраться до которых желали все маги. Неужели это они?

Коридор, прорубленный в скале, вел все ниже. Он сужался, пока перед отрядом не встала монолитная стена с узким лазом у самого пола — результат обвала. Стену эту исцарапали когтями, но то был гранит, неподвластный ни мечу, ни топору. Филипп рассмотрел следы когтей. Похоже, бестия пыталась вырваться из этой пещеры, делала подкопы и драла стены, но все безрезультатно. Везде она упиралась в сплошную скалу. Что же ее освободило? Пробила ли она дыру в потолке, где залегали пласты камня помягче? Или произошло еще одно землетрясение?

— Тут только лежа, боком, — шепнул озадаченно один из солрагцев.

Отряд снял пояса, потушил факелы и, проталкивая перед собой мешки и пояса с мечами, стал ползти по лазу в беспросветный мрак. Филипп слышал, как судорожно бились сердца четверых гвардейцев, но не мог пойти туда один. Не в такое место.

Тьма сгустилась. Лаз становился все уже. Сюда больше не лился свет от дыры, уходящей на поверхность земли. И Филипп полз, чувствуя, как липкий страх охватывает и его, ибо никогда в своей жизни, даже в самые черные ночи, он еще не был так слеп. Никогда вокруг не было так тихо.

Заметно похолодало.

Отряд продвигался на брюхе все ниже. Уклон стал более явным. Наконец коридор вновь расширился. Все поднялись на ноги, подпоясались. Трясущимися от пробирающего до костей холода руками все снова зажгли факелы и пошли дальше в полный рост.

Коридор от пола до потолка покрывали мерцающие во тьме надписи. Филипп замороженно водил по ним пальцами, наблюдая, как они отвечают сиянием на прикосновения. Отметин от когтей бестии здесь уже не было. Тоннель распахнулся, и отряд встал на краю огромного зала, гораздо большего, чем прошлый. Зал был завален скальной породой, а часть колонн, окаймлявшая стены, лежала порушенная.

— Мы уже под горой, — шепнул Утог.

Его слова прокатились неожиданно громким эхом вглубь зала. Все вздрогнули. И почувствовали, что веками здесь не звучала человеческая речь.

Филипп поднял факел, прищурился, вглядываясь во тьму под куполом потолка. Потолок поначалу показался ему бесконечно высоким, но потом граф понял, что все дело в гримах. Они шевелились сотнями, если не тысячами, густо облепив свод пещеры, как пчелы улей. Стоило пяти огненным точкам разогнать тьму, как шевеление под потолком усилилось. Тьма ожила. Глаза зажглись, подобно тысяче звезд на ночном небе.

Один из призраков спорхнул вниз, раскрыв широкие крылья, и Филипп снова узнал это странное существо. Как же оно было велико!

Гвардейцы тряслись, и непонятно, от чего больше: от холода или страха. По полу пещеры бродили призрачные бестии невероятных размеров с распахнутыми пастями и желтыми глазами. Филипп снова вслушался, но уловил только биение сердец солрагцев.

Вокруг стояла зыбкая тишина.

Тогда он направился со своими людьми к центру зала, который находился в низине. Воздух с каждым шагом становился все тяжелее.

— Дышать трудно, господин, — прошептал натужно Кар-теш. — Будто давит что-то со всех сторон.

Измученные солрагцы расшнуровали гамбезоны, несмотря на пробирающий до костей холод. Филипп почуял резкий запах крови и обернулся. У Свана пошла носом кровь, кто-то с хрипами закашлялся, и граф дал знак остановиться. Затем достал из мешка длинную веревку и обвязал себя ею за талию, а конец отдал солрагцам.

— Встаньте у коридора и ждите. Если что, вытягивайте!

Длины веревки должно было хватить, чтобы дойти хотя бы до центра — и ни шагу дальше. Под обеспокоенными взглядами людей, которые вернулись наверх, к входу в зал, Филипп продолжил свой путь уже один, опоясанный веревкой.

Там, дальше, виднелись обломки алтарей.

Это место не для людей, думал граф. Мертвое место. Он спускался с зажженным в руках факелом, перебирался через обвалы, перепрыгнул небольшую трещину, уходящую в недра земли. Ненадолго остановился и заглянул в нее, но его вновь встретила лишь тьма. Не увидев дна, Филипп осторожно двинулся дальше и зябко передернул плечами, ибо та тьма в расщелине словно сама всмотрелась в него.

В конце концов он достиг первого алтаря, частично обваленного. Мерцали голубизной надписи. Везде лежали кости, и Филипп невольно принялся осматривать их. Это были

останки людей и чудовищ, однако при ближайшем рассмотрении он увидел, что некоторые тела людей изуродованы, а трупы чудовищ — странно очеловечены. За постаментом обнаружился скелет в истлевшем балахоне. Руки его были неестественно удлинены, а череп вытянут. Но это был явно человек. Вскоре Филипп убедился, что почти все преданные ритуалу тела, лежащие вокруг алтаря, подверглись трансформации. Что же это такое? Неужели те самые места кровавых ритуалов? Те самые храмы, от которых на поверхности не осталось и следа?

А потом граф опустил глаза, которые отчего-то потеряли зоркость. Перед ним в клочьях тумана, окутавшего дно зала, лежал скелет другой бестии, нетронутый, но с одной человеческой рукой. Нахлынули воспоминания. Бестия тогда, во время боя в еловом лесу, заговорила. Значит, некогда она могла быть человеком, смутно помнящим, как говорить, но человеком. Выходит, кровавый ритуал прервало землетрясение, и, будучи еще необращенной, бестия смогла пробраться по коридору, пролезть под скалой и попасть в ту пещеру, где уже превратилась в чудовище и стала заложницей гранитных стен.

Обойдя алтарь и взобравшись на возвышение, где туман был не так густ, Филипп увидел вдали за колоннами проход, ведущий еще ниже. Пещеры имеют продолжение? Выходит, это целая сеть залов под горой?

У прохода что-то шевельнулось. Это что-то граф поначалу принял за очередного грима, но гримы всегда двигаются медленно, будто плывут в тумане, а это же существо резко дернулось. Филипп вздрогнул и настороженно прищурился, всмотрелся. Существо снова колыхнулось, сползло со стены, как паук, перебирая десятком, если не сотней конечностей. А потом вдруг замерло, очертания его задрожали, и внутри расплывчатого тела вспыхнули молнии. Оно зыбилось из стороны в сторону, выглядывало из-за колонн то справа, то слева и будто само наблюдало за тем, кто посмел явиться сюда.

Что это? Грим? Но почему он сверкает молниями? Почему его поведение присуще скорее не отрешенному призраку, а живому созданию, обладающему разумом?

Осторожно рассматривая существо, которое не производило шума, а значит, не должно было быть опасным, граф почувствовал, как перед глазами у него поплыло, а череп будто налился свинцом. Он пошатнулся, но устоял, тряхнул седой головой, чтобы скинуть наваждение. Все, нужно уходить... Он зашел слишком далеко! Воздух вокруг был насыщен чем-то почти осязаемым. Невольно Филипп вытянул руку, и между его пальцами пробежала фиолетовая искра.

Существо за колонной уже пропало из виду, уползло куда-то под потолок, ловко перебирая по стенам мерцающими, туманными лапами.

— Господин, с вами все в порядке?.. — раздался крик словно откуда-то издалека.

Слова вязли в воздухе. Филипп неожиданно почувствовал себя дряхлым стариком. Руки и ноги его не слушались. Однако нашлись силы сделать шаг, второй, и хоть и с трудом, но он пошел назад. Опять эта расщелина. Он пошатнулся, с трудом перепрыгнул ее, едва не свалившись в бездну. Затем рухнул на колени и уже пополз, держась за веревку, как малое дитя. Под ладонями и коленями непрерывно хрустели кости мертвых. Факел остался позади. Когда он успел потерять его? Ужасное место...

Где-то за спиной вспыхнул голубой огонь, и из-под потолка снова выглянуло то существо, всмотрелось в спину графа. Он буквально почувствовал его взгляд на себе.

Филипп невольно закрыл глаза, потом усилием воли открыл, сопротивляясь желанию провалиться в странное пьяное блаженство. Хруст под руками продолжался, слабость навалилась камнем, придавила его к земле, но Филипп боролся. Боролся, как привык. Где он вообще?.. Почему вокруг такая плотная, такая густая тьма? Или он лежит под звездным небом? Звезды вдруг стали ближе, и Филиппу показалось, что он почти касается их. Звезды спустились с потолка, распахнув крылья, окружили его и укрыли тьмой.

Голос солрагцев вдалеке показался ему шумом ветра, в ушах пульсировало, но он продолжал ползти, бороться с дурманом.

Однако в конце концов все-таки рухнул наземь и ощутил, как веки слиплись от приятной слабости.

Очнулся Филипп уже в верхней пещере, когда солрагцы вытащили его из узкого лаза за руки. Поначалу он не понимал, где находится, но вот кто-то обмыл его лицо ледяной водой из кожаного мешка. В глазах прояснилось. Четыре обеспокоенных лица склонились над ним. Силы возвращались к графу, а грудь задышала. Он резко сел и осмотрелся, затем перевел взор на солрагцев. Один из них, Картеш, хрипел и плевался кровью, она залила его гамбезон, окропила сапоги.

— Вы не дошли, упали. Мы по шуму догадались... Потом вы поползли. Пока не замерли, — сказал Картеш, промакивая рукавом кровь с лица. — Мы потянули вас, стали тащить... Мы с Утогом спустились помочь, чтобы ускорить.

— Там отравы, господин, туман... Это не иначе как обиталище Граго! — простонал Утог, ощущая, будто его лягнул конь.

— Мы сначала не могли найти вас, будто шоры на глаза надели, — продолжил Картеш. — А на вас села та здоровенная гарпия, про которую вы тогда сказали, что это не гарпия. Она закрыла вас крыльями. Мы уже боялись, что вы сгнули во тьме. Но потом она вспорхнула, зыркнув глазами напоследок, и мы забрали вас.

Филипп встал. Встал легко, вскочил по-молодецки, как раньше, ибо слабость ушла. А потом вспомнил сияющего грима и коридор, который вел дальше под землю, и задался вопросом: а что же там, под горами? Но спуститься ниже не представлялось возможным. Даже он не сможет пойти туда из-за тумана, осевшего на дне зала и становящегося тем гуще, чем ниже пришлось бы спускаться. Что же за существо охраняло проход, что за чудной грим то был, у которого сверкали не глаза, а все тело, как в ночи, разрываемой грозой? А ведь пещеры, отметил про себя Филипп, идут на север, к Донту, располагавшемуся по ту сторону гор.

Солрагцы стояли под лазом, ведущим на поверхность земли, и наслаждались тем скудным светом, что лился на них

сверху. Отдышавшись после возвращения и оттаяв от липкого страха, они ждали приказа. И он последовал:

— Возвращаемся, — сказал Филипп. — По крайней мере, мы выяснили, что никакая бестия графству более не страшна.

— А те твари? Те летающие чудища Граго? — скромно спросил солрагец.

— Это просто старые гримы, которые видели древних существ на заре Слияния. Судя по всему, они питаются туманом, лежащим в пещерах, и далеко отходить либо не могут, либо не хотят. Иначе небо над нами уже почернело бы от их крыльев.

И Филипп поднял голову вверх, к лазу, где виднелся синий кусочек неба. Что же летало под этими небесами две тысячи лет назад? Сколько же крови пролилось в те страшные эпохи, когда мир Хорр слился с миром людей? И какие тайны скрывают в себе горы, поднявшиеся из пустошей за несколько десятилетий? Граф отчаянно вспоминал то существо у прохода, схожее с грозовой тучей, и пытался найти хотя бы какое-то подобие в сказках, поведанных ему стариками подле реки Алмас, где он вырос. Но ни о чем подобном люд не толковал даже пятьсот лет назад, а значит, все эти века это нечто не вылезало из пещер, таясь во тьме и считая ее своим домом.

Отряд с трудом поднялся по веревке, чувствуя в теле слабость. Спустя час четверо гвардейцев спали на своих льняниках как младенцы, а Филипп все сидел и размышлял о древних временах.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

